

УДК 008.001.14

О.А. Жукова

**ДУХОВНЫЙ ОПЫТ И КУЛЬТУРА РАЗУМА:
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ**

Аннотация. Согласно авторской идее, культурный опыт и духовное наследие исторической России являются основанием культурной идентичности, выступая условием развития современного общества и личности. В наши дни обращение к национальным культурным ценностям стала жизненной необходимостью. Настоящая гуманитарная стратегия в развитии российской системы образования является гарантией движения в будущее.

Ключевые слова: наследие, политика, культура, опыт исторический, опыт духовный, традиция, развитие, образование, личность, общество

К теме взаимообусловленности религии и искусства, духовной традиции и политической практики в истории России все чаще обращаются и отечественные, и зарубежные авторы. Тем не менее, метафизическая линия развития русской культуры, определяемая синтезом религиозного, социально-политического и художественного опыта, представляет для современной отечественной культурологии и философии самостоятельную и все еще недостаточно артикулированную проблему. Более существенна в этой ситуации исследовательская перспектива, которая возникает для подобной темы, долго находившейся на периферии научных интересов, прежде всего, в советской России. Безусловно, приходится принимать во внимание тот факт, что идеологическая блокада русской религиозно-философской мысли в течение длительного времени осложнила освоение богатейшего наследия интеллектуальной культуры. Разрывы собственной традиции на уровне высоких форм философской рефлексии преодолеваются не просто. Можно говорить, что восстановление недостающего звена в трансляции культурной памяти исторической России напрямую связано и с освоением традиции русской религиозно-философской мысли, что особенно актуально в связи с обсуждением вопросов об уровне и содержании высшего гуманитарного образования.

Трагические обстоятельства российской истории XX в. – неизбежный фон в разговоре о судьбах русской культуры и, шире, российской цивилизации. В то же время нельзя говорить, что русская религиозно-философская мысль в XX в. не смогла выполнить своей культурной задачи по осмыслению многообразных сюжетов актуальной современности. Напротив, оказавшись на цивилизационном разломе старого и нового миропорядка, в идейно-концептуальном плане она достигла, своего рода, акме. Здесь, скорее, необходимо вводить термин интеллектуально-культурной изоляции внутри новой советской империи и насильственной подмены критических структур философского мышления социальной мифологией в ленинско-большевистской версии марксизма, даже более в политической практике его применения, чем в теории. Однако сложно организованные культуры, к которой, безусловно, относится историческая Россия, не могут быть свернуты и редуцированы до простой и непротиворечивой социальной модели даже и самыми радикальными методами прямого уничтожения носителей высоких духовных, художественных, интеллектуальных традиций. Внутри этой культуры остаются каналы трансляции смыслов, идеалов и ценностей, остаются и вертикальные метафизические связи с Иным, с вечностью. Суть национальной трагедии в том, что русский мир раскололся как во времени, так и в пространстве. Эта граница пролегла по оси истории до и после русской революции и по оси пространственной локализации культуры – внутри и за пределами Родины. Русская культура периода «рассеяния» никогда не прекращала своего существования, предпринимая огромные усилия по самосохранению, социальной организации и творческому развитию. Примером являются и приходы Русской Православной Церкви за границей, и попытки институализации отечественной традиции философско-богословского образования в Западной Европе и в Америке, и политическая деятельность ряда представителей русского зарубежья.

Продемонстрированная способность удерживать и транслировать духовные смыслы культуры в отрыве от материнской говорит о коллективном труде по сохранению аутентичной среды. Над исторической драмой возвышается опыт русских мыслителей и художников. Поражает сила духа, с которой они преодолевают глубоко личностную трагедию разрыва с Родиной, масштабом своего дарования и интеллектуальным трудом противостоя жесткой логике исторических событий. Художественная и научно-гуманитарная элита дореволюционной России – этот «интеллигентский» плод русской культуры – оказалась важным и абсолютно необходимым звеном в линии исторической преемственности XX в. Совместно с «малым стадом» творчески мыслящих людей, принадлежащих к научно-академической и артистической среде в советской России, представителям России за рубежом удалось сохранить национальный генетический код культуры. Своими усилиями трудной, но плодотворной жизни там С. Рахманинов, Н. Метнер, И. Стравинский, М. Чехов, С. Булгаков, Н. Лосский, Н. Бердяев, П. Струве, Г. Федотов, И. Ильин, Ф. Степун, Г. Флоровский и скорбным «житием» здесь А. Лосев, П. Флоренский, Н. Мясковский, С. Прокофьев, Д. Шостакович, Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Цветаева стали живыми звеньями преемственности духовно-творческой традиции русской культуры. В их опыте преодоления

значимым оказался идеал русской культуры – творческого совершенствования личности перед лицом Вечности и истории. Этот список можно продолжить и привести немало ярких примеров и доказательств. Так, Иван Александрович Ильин до последних дней работал над проектом возрождения России через построение творческой демократии на основе христианизации всех сфер жизни. Он умер в 1955 г., уже после ухода с авансены новейшей истории вождя всех народов. Творчество Федора Августовича Степуна также с полным основанием можно назвать монотематичным, центрированным на проблеме «русской жизни», культурного феномена России, ее цивилизационной идентичности. Дата ухода из жизни Степуна – 1965 г. Это уже совсем иная политическая и социальная история, стремительно входящая в новую постиндустриальную цивилизацию, бродильным ферментом культуры которой становится постмодернизм. Он пересматривает и даже отказывается от христианского общеевропейского наследства, которое с потрясающим упорством защищают и Ильин, и Степун. В России же последний философ той, уходящей формации, к которой принадлежат Иван Ильин и Федор Степун, Алексей Федорович Лосев ведет жизнь, по его словам, «жалкого учителяшки» в отсутствии полноценной духовно-интеллектуальной среды, академических свобод и свободы совести с ее правом открыто исповедовать метафизику Иного и быть членом Церкви.

Наследнику русской философской школы А.Ф. Лосеву не находится места на философской кафедре университета и он преподает в Ленинском педагогическом институте. Вынужденный поворот исследователя от свободной философии к истории эстетики по причине политического и идеологического отсека этой свободы, являющейся, своего рода, выражением личностного достоинства человека профессорской культуры, вполне понятен из перипетий его жизни. Понятен и вытекающий из данных обстоятельств маргинальный статус философа, усиленный тайным постригом. Важно другое, а именно то, что преемственность все же осуществляется, и в форме особой субкультуры *личности* духовно-интеллектуальное ядро русской традиции передается через духовный опыт учителя и через культуру разума, которая заключается в самом способе философской рефлексии.

Научение по образцу, которым выступает сама личность учителя, это главный механизм трансляции знаний и мудрости в христианской культуре, создавшей один из самых продуктивных в мировой истории институтов образования и социализации человека – университет. Университет не только выступает в качестве инкубатора и ретранслятора знаний, но и содержит в себе духовно-коммуникативную модель «учитель-ученик». Пример Лосева здесь абсолютно точный. Другого авторитета, кроме как личности учителя, процесс учения, в который вложен смысл становления образа человека, система образования не знает. Какой бы технологической оснащенности она не достигла, на уровне смысловых установок личности, включающих, безусловно, получение профессиональных умений и на их основе профессионально-творческих достижений, образование будет нуждаться в мудром учителе, обладающем духовным опытом и культурой разума, и, конечно, в вопрошающем, внимающем ученике, который вступает в диалог с ним. В подобного рода

отношениях получаемое и добываемое знание непосредственно возникает как личностный смысл, как духовно-интеллектуальная рефлексия личности, осознающей диалектическую взаимосвязь между творческой свободой и моральной ответственностью перед лицом Иного и ближнего – другого человека. Если восточно-христианская культура акцентировала способ передачи знания как мудрости, основываясь на духовно-опытном постижении видимой и невидимой реальности, то западно-христианская традиция изобрела технологию передачи знания как суммарного опыта интеллектуальных открытий разума, т.е. в буквальном смысле слова структурировала универсум культуры в Университет. В идеальной полноте эти два представления и два способа вхождения в мир культуры и в мир вечности должны составлять единство пути познания и становления личности. Но в культурно-исторической ретроспективе граница между двумя традициями оказалась типологически более выраженной. Рациональность Запада и сверхразумный мистический опыт Востока выступает как сущностная характеристика двух культур по сути единой европейской христианской цивилизации.

Однако необходимо учитывать исторические особенности двух линий развития христианской цивилизации и их специфические формы институализации знаний. Так, в русской культуре складывается особая форма преемственности социально-культурного опыта. Справедливо определить ее как духовно-ориентированную стратегию совершенствования личности в присутствии трансцендентного идеала. Русская культура восприняла христианские образцы, но, не имея подготовительной школы мышления, свое ученичество преодолела, с одной стороны, высотой нравственно-аскетического подвига, с другой, осуществила себя как некий опыт спасения и оправдания творчеством. С этой точки зрения русская культура оказывается очень трудным заданием для культуролога. Возникает вопрос: возможно ли, пользуясь инструментарием философии и культурологии, войти в область духовного опыта, выявляя его влияние на социальные и творческие практики? Очевидно, проблема философского анализа исторического пути русской культуры связана с определением особенностей восточно-христианского дискурса. Насколько вообще возможно сделать предметом философского осмысления и культурологического анализа религиозное содержание, как самой культуры, так и опыта личности. Опыт личности рационально неразложим, тем более, если мы говорим о таком типе личности, интеллектуально-духовным ядром которой на протяжении многих веков выступала восточное христианство. Характерную черту русской культуры можно видеть еще и в том, что философское выражение ее духовного опыта репрезентировано в художественном творчестве. Творческий опыт искусства, соотносимый с воспринятой восточно-христианской традицией, во многом определил сущностные особенности российской культуры, повлияв на характер преемственности базовых культурных концептов и практик. Отсюда возникает и второй, не менее важный аспект проблемы исторического существования – целостности русской культуры. Сходным образом данная проблема была поставлена философами Серебряного века, которые достаточно плодотворно обсуждали взаимоотношение художественного творчества и религиозного опыта. Возвращаясь к ее

осмыслению, мы актуализируем не только тему творчества, что само по себе перспективно и интересно в плане развития современного гуманитарного знания, но и осуществляем рефлексию над самой традицией религиозно-философской мысли, что крайне важно. Все это помогает понять значение данного типа философствования в современной культуре, его роль и место в российском философско-культурологическом образовании.

Настоящая тема видится сегодня недостаточно проблематизированной. Тема культурно-исторической преемственности вообще слабо артикулирована. Интересно посмотреть на нее с точки зрения взаимосвязи трех важнейших культурологических концептов – обращения к прошлому (культурной памяти), идентичности (культурной, цивилизационной, политической) и культурной преемственности (складывания и передачи традиции). Здесь нужно решать сразу несколько задач. Во-первых, производить культурологическую реконструкцию исторического пути русской культуры. Во-вторых, социально-политический и духовно-творческий опыт необходимо рассматривать в качестве условия и, одновременно, механизма трансляции культурной памяти, обеспечившей сохранение культурной идентичности на протяжении длительного периода времени. Философский подход в этом случае не будет инородным, поскольку религиозное содержание культуры, определенной традиции, или личности мы можем все-таки трактовать как специфический опыт в многообразии феноменов сознания и деятельности. Однако следует признать, что особенность восточно-христианской традиции требует некоторых процедур экспликации, а также работы на уровне феноменологии религиозного опыта.

Здесь возникает еще одна ключевая для философско-культурологического знания проблема, связанная с взаимодействием двух типов отношения к миру – миру культуры как рукотворной деятельности человека и религиозной традиции, освященной авторитетом предания и огражденной догматикой. По нашему мнению, если сегодня эта тема не станет предметом активного обсуждения в научном сообществе, то в культурно-образовательной сфере можно оказаться в тупике неразрешимых противоречий. Необходимо отойти от привычной оппозиции в понимании светской культуры и присущего ей авторского типа творчества как ориентированного на новации, и религиозной веры, определяемой традицией. Сама возможность такого подхода продиктована спецификой российской истории. В истоке она формировалась как культура веры, которая представляет собой опыт непосредственного восприятия и переживания сакральности универсума, выраженного фактом бытия священных явлений, событий, предметов. Эта культура является опытом веры с ярко выраженной доминантой эстетического постижения целостности Бога, мира, человека. Но в истории русской культуры происходило немало изменений: культура веры подверглась секуляризации, а европейский проект Петра Великого превысил все допустимые степени культурных новаций для традиционного, религиозно ориентированного средневекового русского общества. Изменения, происходившие в истории культуры Руси/России, в первую очередь, связаны с процессами ее секуляризации и десакрализации. Принцип взаимообусловленности высоких практик – религии, политики, искусства, характерный для культуры с доминантой

религиозного типа сознания, в рамках культуры светской, ориентированной на продукт индивидуального творчества, разумные установки и идеи автора как творца общества и истории, проявляется в специфическом для русской культуры стремлении к высшему трансцендентному идеалу. Если религиозная культура высшей целью человека видела спасение, понятое не только как трансцендентный образ совершенствования человека, но и как идеал самой культуры, то в рамках светской человек мог спасти и оправдать себя творчеством. Творчество здесь является секулярным аналогом религиозной идеи и выступает особой формой служения и нравственной ответственности за судьбу человека и общества.

Мощные социальные сдвиги, особенно в период создания империи, видоизменили, но не устранили архетипическую для человека русской культуры жажду спасения и преображения. В процессе Петровских реформ сложилось осмысление свободы как имманентной личностной способности, и выражена она была в результате творчества – в авторском произведении. Но значимое для древнерусской культуры понимание творчества как трансцензуса личности в горизонте Абсолютного сохранилось на архетипическом уровне самосознания. Николай Бердяев указывал на оппозицию «святость – гениальность», «религиозность – творчество», демонстрируя процесс рождения индивидуального «я» из коллективного «мы». Если следовать этой логике, как раз придется подчеркивать разрыв культурной преемственности в истории Руси/России, характеризуя светскую форму существования как творчество в культуре в противовес религиозному традиционализму, такого творчества вроде бы не знающего. Однако в истории культуры России гениальность (кантовское искусство гения) понимается как дар, совершенствующийся на пути святости, а творчество (художественное, политическое, историческое) как способ опытного исповедания веры. В этом случае становится понятным тип личности, формирующийся в данной культуре, которая рассматривает человека в перспективе трансцендентного идеала. Биографии творцов и духовных подвижников можно прочесть и понять как произведение самой культуры. Идеалы, которые образуют человека, – это и есть смысл образования, или универсальный алгоритм воспроизводства культуры и социальности, воссозданный в Университете.

Если же оценивать современное состояние университетской ступени образования, то его культурные цели идеалами совершенствования, аутентичными для русской культуры, не вдохновлены. Действительно, возможно ли всерьез говорить о духовно-опытной форме получения знания в условиях современной цивилизации с ее плюралистичностью культур, глобальной экономикой и информационным развитием общества, когда знание превращается в продаваемую информацию, а процесс общения учителя и ученика в различные педагогические технологии? В то же время заметен не только дефицит духовно-нравственной компоненты образования, но и острый дефицит рациональности. Рациональность – это особая структура опосредствования, выстраиваемая разумом, определяющая логические связи между явлениями. В русской культуре, не имевшей навыков дискурсивного мышления, эту функцию взяло на себя непонятное мышление, представленное особой логикой – логикой образа. Потому, на наш взгляд, и допустимо говорить об

особом способе выстраивания структур опосредствования в истории культуры России на уровне духовно-образного, непонятийного мышления. Это одна из самых ярких особенностей русской культуры, когда структуры опосредствования выстраиваются не через рефлектирующую мысль, а через образ, выступающий в качестве непонятийного содержания предмета познания. В древнерусский период традиционная религиозная культура понимает себя не через философствующий текст университетского богослова, а через иконописный образ Андрея Рублева и литургическое благочестие, а в светский период философией истории и нравственным богословием становится литература, искусство же оказывается лабораторией культурного и социального творчества.

Может показаться, что исторически сложившийся тип русской культуры с ее тяготением к творческой доминанте жизни принадлежит прошлому и совершенно чужд современному прагматизму и технологизму глобальной цивилизации. Однако отвергать возможность актуализации сложившихся интеллектуально-творческих и духовных практик русской культуры все же не стоит. Вероятно, они не совпадают с современностью по темпоритму, по образу бытия, но их человекотворческий потенциал огромен и позволяет освоить новый тип социальности, не теряя собственно личности как самостоятельной величины, соотнесенной и со временем культуры, и с реальностью вечности. У наследников культурной традиции Руси/России есть нерастраченный духовно-интеллектуальный капитал. Настоящий тезис находит подтверждение в том историческом факте, что западная культура переживает все возрастающий процесс автономизации и индивидуализации творчества в рамках общей тенденции секуляризации, в то время как русская культура демонстрирует постоянное «возвращение» в традицию «культуры веры» с ее внелогическим способом узрения и постижения предельного предмета познания. Здесь и возникает культурологическая проблема преемственности, как способа наследования традиции, где сама культура оказывается продуктом творчества, выступая своего рода идеалообразующей стороной жизни людей. В любом случае исторический результат развития традиции не предрешен. А значит и не исключены возможности развития религиозно-философской традиции в качестве одной из стержневых основ гуманитарного образования и духовно-интеллектуального самопознания культуры, общества и личности.

Предельным предметом понимания, как и целью любого общения, в том числе и педагогического, всегда оказывается личность. Она является главным событием культуры, соединяющей два плана бытия, – актуальной повседневности и «актуальной» вечности, поскольку содержит в себе образ совершенной Божественной Личности. Это стержень христианской традиции, одним из великих культурных произведений которой и является Университет. Если рассмотреть эту проблему сквозь призму традиции русской культуры, включая древнерусский, имперский, советский периоды, с характерными для них религиозной, секуляризованной или превращенной религиозной формой культурного самосознания, можно понять, что если трактовка идеалов и целей творчества и подвергалась изменениям, то его смысл сохранял некую «инвариантность». Другими

словами, русская культура создала тип личности, понимающей и мыслящей себя в горизонте Совершенного. Настоящие архетипические черты обнаруживают себя и в религиозном, и в секулярном модусе социально-исторического и духовно-творческого опыта. Поэтому и в современной культуре с ее доминантой рефлексирующего индивидуального сознания духовно-опытный путь познания может быть воспроизведен и на уровне системы образования, и на уровне персональной творческой стратегии жизни, но только при одном условии – если личность будет оставаться главным предметом философии образования и центром педагогического процесса. При сохранении подобной аксиоматики образовательного процесса искомый синтез традиции духовного опыта и культуры разума в современной университетской модели образования станет возможным.

© Жукова О.А., 2011

Статья поступила в редакцию 7 декабря 2010 г.

Жукова Ольга Анатольевна,

доктор философских наук, кандидат культурологии,

профессор кафедры культурологи

Московского педагогического государственного университета (Москва)

e-mail: logoscultura@yandex.ru

UDC 008.001.14

O. Zhukova

**SPIRITUAL EXPERIENCE AND CULTURE OF REASON:
RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TRADITION IN UNIVERSITARIAN EDUCATION**

Abstract. According the auctorial concept, cultural experience and spiritual legacy of historical Russia constitute the foundation of cultural identity and stipulate development of both individual and modern society. In our days, appeal to national cultural values becomes the vital need while implementation of genuine humanitarian strategy for development of the Russian educational system guarantees progress to the Future.

Key words: heritage, policy, culture, historical experience, spiritual experience, tradition, development, education, personality, society

Zhukova Olga Anatolyevna

Doctor in Philosophy, PhD in Culturology,

Professor of the Culturology Chair

of the Moscow Pedagogical State University (Moscow)

e-mail: logoscultura@yandex.ru